

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.16-31"1920/1970"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-2-7

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ВОЕННЫХ ПОВЕСТЕЙ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

канд. филол. наук, доц. Т.Р. БОГОРАДОВА
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: t.baharadava@psu.by

В статье рассматривается эволюция белорусской повести о войне в творчестве писателей старшего поколения, которые являлись участниками или свидетелями военных действий. Особое внимание уделяется произведениям авторов, использовавших в творчестве метод экстраполяции и оставшихся при этом приверженцами реалистического направления в передаче военной атмосферы. В основе литературного анализа лежит продолжительный исторический период – с 1910-х гг. по 1970-е гг., а также показ направлений развития жанра белорусской повести о войне: от беллетризованного до реалистического.

Ключевые слова: автобиографизм, «молодняковская повесть», героико-революционная повесть, беллетристика, декларативность, агитационность, экстраполяция, «деревенская проза».

Введение. Идейно-эстетические доминанты в белорусской повести о войне писателей старшего поколения определялись, прежде всего, задачами национального Возрождения. К этому периоду относятся события Первой мировой войны и революция в России с её идеями социального равенства и справедливости, взятыми из работ К. Маркса, В. Ленина и др. Реализм оставался ведущим направлением эпохи в белорусской прозе, хотя знакомство отечественных писателей с модернистскими литературными течениями, а также с авангардным, которое в конце 1920-х гг. также принесло весьма значительные плоды, постепенно уступило место социалистическому реализму.

Актуальность исследования заключается в прослеживании динамики развития белорусской повести о войне с начала XX в. и до 1970-х гг. Целью данной работы является показ эволюции белорусской военной повести в контексте развития основных литературных направлений; задачами стало выявление тенденций в повестях белорусских авторов старшего поколения за период с 1910-х по 1970-е гг. Объектом исследования выступают повести белорусских авторов, рожденных на исходе XIX в. и в начале XX в., которые посвящены военным событиям Первой мировой войны, гражданской войны и революции, Великой Отечественной войны. Предметом исследования в статье явилось осмысление белорусскими авторами старшего поколения пережитых или экстраполированных военных и революционных событий начала и середины XX в.

Описание и оценку произошедших событий, отраженных в художественных и художественно-документальных произведениях белорусских авторов о войне начала XX в. и 1940-х гг., пытались анализировать многочисленные отечественные критики. Анализ военных событий начала XX в. наиболее весомо представлен в трудах А. Адамовича [1; 2], С. Андраюка [3; 4], Д. Бугаева [5; 6], Л. Горанина [7], У. Гниломедова [8], С. Дубовца [9], В. Жибуля [10], Э. Иофе [11], В. Коваленко [12], Л. Корень (Синьковой) [13; 17], В. Локун [14], М. Мушинского [15], И. Науменко [16], М. Тычины [18; 19], И. Чигрина [20], И. Шабловской [21], др.

В основе методологии данной работы, вместе с находками виднейших знатоков белорусской военной прозы, – культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, а также элементы контекстуального анализа, что дало возможность исследовать творческое наследие взятых авторов с учетом более чем полувековой динамики.

Основная часть. Белорусская повесть о войне, созданная её участниками или очевидцами и жертвами, родившимися в конце XIX в. и в 1910-е гг., была представлена уже в 1920-е и 1930-е гг., причем в эстетически разработанных формах. Среди них есть повести с автобиографическим началом. По мнению В. Локун, «в известной степени можно говорить даже об автобиографизме военной прозы. Материал, пережитый писателями, проявился <...> в многочисленных позициях формы» [14, с. 8–9].

Автобиографическая (с различными формами авторского присутствия в тексте) проза о войне Максима Горьцкого (1893–1938) отличается особенно высокой культурой психологического анализа. В мировой контекст белорусскую повесть вводят, прежде всего, документально-художественные «записки» М. Горьцкого «На империалистической войне». Полное название этого произведения – «На империалистической войне. Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллерийской бригады Левона Задумы» («На імперыялістычнай вайне. Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы», 1914–1915, 1919, 1925, 1926). Критики и исследователи А. Адамович [2], Д. Бугаев [5], И. Шабловская [21] поставили повесть в один ряд с «Севастопольскими рассказами» (1855) и «Войной и миром» (1863–1869) Л. Толстого, рассказами и повестями А. Цвейга, Э.-М. Ремарка. М. Горьцкий фактически закрепил национальный жанр повести, утвердив его как интеллектуально-философское, документальное, автобиографическое повествование о войне. Другая повесть писателя, «Тихое течение» («Ціхая плынь», 1918), косвенно, но тоже очень глубоко изобразила события Первой мировой войны. Молодой солдат

Фомка, главный герой повести, нелепо погибает, поставив перед человечеством совершенно нериторический вопрос о ценности жизни каждого конкретного человека: «*За что? Шепчет он все тише и тише. Острая обида, отчаяние разрывает сердце*» [здесь и далее перевод с белорусского языка наш – Т.Б.] [22, с. 198]. В повести «Две души» («Дзве душы», 1919) М. Горецкий, используя собственный опыт, воссоздал события Февральской революции, Первой мировой войны, панораму 1917 г. в неразрывной связи с судьбой армейского офицера Игната Обдироловича, который также ищет национальное своеобразие в историческом вихре. Эта история новаторски показывает бессмысленность и жестокость военных действий по отношению к их рядовому участнику, солдату.

М. Горецкий, как отмечал Э. Иофе, показал себя «эрудированным писателем, хорошо знавшим творчество таких гигантов русской, украинской и польской литературы, как Пушкин и Гоголь, Л. Толстой и Достоевский, Шевченко и Мицкевич, глубоко понимал их исключительную роль в духовной жизни своей нации, остро чувствовал очередные потребности литературного развития белорусов» [11, с. 30]. Творческая практика М. Горецкого по своему художественному совершенству сравнима с опытом А. Чехова. Близка М. Горецкому и идея «индивидуального сознания», продвигаемая Ф. Достоевским. Герой М. Горецкого – Левон Задума – цельный человек, живущий размышлениями в реалиях как мирной, так и военной действительности. С. Дубовец, размышляя над спецификой прозы писателя, отмечал, что белорусского автора «надо искать где-то между Акутагава и Камю» [9, с. 92], имея в виду проявления экзистенциализма в прозе белорусского классика. Л. Синькова также отмечала «глубокий отголосок экзистенциальных мотивов» [13, с. 28] в раннем творчестве автора: повесть «Что оно?» («Што яно?», 1913), «Идут все – иду я» («Ідуць усе – іду я», 1919) и др. М. Тычина писал: «Война помогла реализовать <...> не только национально-специфическое, но и всеобщее, то, что объединяет, придает национальной деятельности более высокий смысл» [18, с. 25]. Трансляция писателем общечеловеческих проблем дала возможность рассмотреть национальные белорусские вопросы в общеевропейском контексте. Например, в ГДР критиком Т.Н. Брран (Н. Рандау) были исследованы произведения М. Горецкого о войне. По мнению И. Чигрина, в поисках истины автор, когда писал «о войне, которую вели армии двух империй, создал правдивые произведения о своем народе» [20, с. 69]. Таким образом, М. Горецкий в отечественной литературе расширил и реализовал традиции, накопленные мировой классикой, в стилистической парадигме реализма. В творчестве писателя эстетическая составляющая дополнялась документальным, автобиографическим материалом. Проблемы стремления белорусов к единству, независимости, существование противоречий между институтом государства и человеком в различных жизненных ситуациях (в том числе, в обстоятельствах военного времени), изображенные художником, были продолжены другими авторами белорусских повестей о войне.

Исследователь В. Жибуль отмечал, что «видение и понимание войны как социального явления в литературе постоянно меняются. Такая эволюция характерна для всей истории европейской литературы, начиная с древнейших времен до наших дней» [10, с. 199]. При наличии феномена М. Горецкого, в отечественной классике первой половины 1920-х гг. оценка военной ситуации во многом характеризовалась работами авторов «Молодняка». Отсылки к военным событиям в рассказах белорусского эпика-нациосоздателя Якуба Коласа (1882–1956) «Кровавый водоворот» («Крываваы вiр»), «Балаховец» («Балаховец») и др., а также ранняя проза с аналогичными мотивами в наследии представителей литературного объединения «Узвышша» З. Бядули, М. Зарецкого, К. Крапивы, К. Чорного, выделявшихся более высокой нарративной культурой и более глубоким пониманием действительности, утратили в 1931 г. (после ликвидации «Узвышша») ведущую роль в литературном процессе своего времени. Приоритетным стал рассказ о войне с однозначной классово-моральной и приключенческим сюжетом. На активное функционирование романтически-авантюрных художественных форм повлияло прежде всего изменение эстетических ценностей, ориентированных на советское мировоззрение с его обязательным «историческим оптимизмом», а также ориентация государства, по мнению Л. Горанина, на «создание нового мифа» [7, с. 39]. Примером подобных произведений стала терминологически закреплённая «молодняковская повесть», сочетавшая идею революционной борьбы с воплощением типа «нового человека» на фоне частичного отображения военных событий. Примерами таких произведений стали повести Михася Чарота (1896–1937) «Свинопас» («Свінапас», 1924); Анатолия Вольного (1902–1937) в соавторстве с Андреем Александровичем (1906–1963) и Алесем Дударем (1904–1937) «Два» («Два», 1925) и «Волчата» («Ваўчаняты», 1925); Янки Неманского (1890–1937) «Партизан» («Партызан», 1927).

Повести Григория Мурашки (1902–1944) «В их доме» («У іхнім доме», 1927), «Винчестер» («Вінчэспер», 1929), «Из-под слоя лет» («З-пад напласту гадоў», 1930), «Вооруженная ненависть» («Узброеная нянавісьць», 1935) имеют художественное начало с заданным описанием ситуации, героев и схематическим способом изображения революции и гражданской войны. Аналогичными предстают произведения Яна Скригана (1905–1992) с аллегорическим названием «Бури над заводью» («Затока ў бурях», 1928, дорабатывалось в 1956) и Бориса Микулича (1912–1954) «Черный водоворот» («Чорная вiрня», 1931). Повесть Я. Скригана представляет собой панорамную картину бытия народа, получившую продолжение в новаторских романах Кузьмы Чорного (1900–1944) «Земля» («Зямля», 1928) и Михася Лынькова (1899–1975) «На красных лядах» («На чырвоных лядах», 1934).

Юношеская (героико-революционная) повесть Я. Коласа «Трясина» («Дрыгва», 1932–1933) продолжала отображать исторический, культурный и политический контекст эпохи. Каноны «молодняковской повести» привели к отображению в произведении беллетризованного взгляда на войну наряду с изображением реальных событий периода белопольской оккупации Белоруссии в 1919–1920 гг. По поводу колосовского героя М. Тычина писал: «Его [Коласа – Т.Б.] привлекают люди широкого взгляда на жизнь, которые остро ощущают дыхание её просторов» [18, с. 23]. Образ деда Талаша повлиял на концепцию народных персонажей в произведениях других

белорусских писателей 1930-х гг. Например, Кондрат Крапива (1896–1991) в драме «Партизаны» («Партызаны», 1937) нарисовал похожий образ деда Бадиля; Михась Лыньков (1899–1975) в повести «Миколка-паровоз» («Міколка-паравоз», 1937) – образ деда Остапа, Эдуард Самуйленок (1907–1939) в романе «Будущее» («Будучыня», 1938) – образ старика Тапурии. Говоря об особенностях показа военной действительности в «Трясине», следует отметить роль рассказчика в раскрытии демократического характера борьбы народа с захватчиками, а также смелую ироническую интонацию художника Я. Коласа в показе военных перипетий. По мнению И. Науменко, весьма значительное влияние Я. Коласа на развитие литературы лежит «в русле идейном, в самом подходе великого писателя к жизни, в видении его и ощущении» [16, с. 206].

В белорусской повести 1930-х гг. вместе с военной темой возник ещё один довольно специфический ракурс: акцент на изображении борьбы Востока и Запада, идей нового общества и его классовой морали с буржуазным «старым» миром. Таковыми являются произведения Макара Последовича (1906–1984) «Марсель» («Марсель», 1931), Э. Самуйленка «Теория Коленбрун» («Тэорыя Каленбрун», 1933), Платона Головача (1903–1937) «Носители ненависти» («Носьбіты нянавісці», 1936) и «Они не пройдут» («Яны не пройдуць», 1937) – декларативными и направленными против проявлений тоталитаризма в иностранных государствах. Из перечисленных рассказов своей художественной смелостью выделялось творчество Э. Самуйленка. По мнению М. Тычины, «повесть Э. Самуйленка по жанровым признакам находится между политическим детективом и антиутопией с элементами фантастики» [23, с. 119]. Произведение Змитрока Бядули (1896–1941) «Приближение» («Набліжэнне», 1935) имело продолжение под названием «В дремучих лесах» («У дрымучых лясах», 1939). Оба произведения З. Бядули характеризуются более глубоким отражением действительности периода войны и революции. Писатель обращает внимание на насилие над еврейским народом в белорусских местечках.

Период 1940 – 1950-х гг. для авторов старшего поколения, писавших в жанре военной повести, характеризовался специфической художественной направленностью. Несмотря на отрицательные последствия метода соцреализма и теории бесконфликтности, преодоление их влияния осуществлялось путем экстраполяции писателями в художественное пространство собственного опыта, личных впечатлений от непосредственного участия в различных событиях в период войн первой половины XX в.

Повесть М. Лынькова «Гроза» («Навальніца», 1944) является этапным произведением в раскрытии военной действительности и своеобразной первоначальной версией панорамного романа-эпопеи «Памятные дни» («Векапомныя дні», 1958, 1969), где изображено, среди прочих событий, время Великой Отечественной войны. Повесть была опубликована в белорусскоязычных газетах под названием «Кровь за кровь» («Кроў за кроў»), а в русскоязычной версии она получила название «Смерть за смерть» («Смерць за смерць»). Опыт М. Лынькова военного времени (в 1919–1922, 1939, 1941–1942) способствовал формированию эпического начала его прозы и других жанров.

События Великой Отечественной войны нашли отражение в повестях Б. Микулича периода 1947–1949 гг.: «Тяжелое время» («Цяжкая гадзіна»), «Жизнеописание Винцеся Шостака» («Жыцццяпіс Вінцэся Шастака»), «Полесская повесть» («Палеская аповесць»). Писатель не имел опыта участия в Великой Отечественной войне (репрессирован в 1936 г., реабилитирован в 1954 г.), поэтому основой его прозы стала экстраполяция предыдущего жизненного опыта. Отсутствие непосредственного участия в боевых действиях сильнее всего ощущается в повести «Тяжелое время», для создания которой автор использовал документы, опирался на опыт партизан и участников подполья. Д. Бугаев отмечал, что «писатель изобразил деятельность подпольщиков в городе Крушинске, их связь с партизанским движением, правдиво передал страшную атмосферу мрачных дней фашистской оккупации» [6, с. 26]. Формой раскрытия военной действительности в творчестве Б. Микулича стал дневник. Дневниковые записи писателя охватывают период с августа 1946 по июнь 1948 гг. и содержат историю создания почти всего творческого наследия автора. Не принимая непосредственного участия в событиях Великой Отечественной войны, Б. Микулич задумал написать повесть о войне 1812 г. с названием «Вечное». Идея была реализована в виде появления одной книги в трёх частях. В книге отражены события, предшествовавшие походу Наполеона, его пребыванию на белорусских землях и битве на реке Березине. Работа должна была показать панораму масштабной войны.

Классик белорусской литературы Кузьма Чорный (1900–1944), смертельно заболевший к 1941 г. после допросов в ежовской тюрьме, где он находился в заключении в 1938 г., не имел непосредственного опыта участия в Великой Отечественной войне. К. Чорный был в эвакуации на журналистской работе, поэтому прозу о войне он писал с помощью экстраполяции опыта, полученного во время Первой мировой войны. М. Тычина отмечал: «Трудно провести прямые параллели между биографией К. Чорного и его творчеством» [19, с. 11]. Важным моментом недописанной повести «Скипьевский лес» («Скіп’еўскі лес», 1941–1944) – части большого эпического полотна, посвященного военной тематике, – является акцентирование психологического состояния рядового солдата в момент убийства противника. Если у М. Горьцкого Задума испытывает по этому поводу отвращение, то у К. Чорного Прибытковский осознает свою ненависть к врагу, закаляя себя ради борьбы и философски воспринимая пределы жизни и смерти: «Константин Прибытковский в этот последний момент имел ощущение, похожее на чувство смертника, который знает, что своей смертью он спасет тех, кто ему дороже собственной жизни» [24, с. 439]. В отношении персонажа к военной ситуации можно увидеть продолжение западной классической традиции, в которой война трактовалась как естественное состояние человека. При этом признаком истинного реализма К. Чорный считал конкретно-исторический подход к явлениям действительности, ставший одним из главных критериев в творчестве автора. Об эволюции мировоззрения писателя М. Тычина высказался так:

«Читая его произведения в хронологическом порядке, замечаешь, как настойчиво он шел от поверхностной поэтизации революционного преобразования мира к более глубокому идеологическому и художественному осмыслению, к всестороннему детальному изучению внутреннего мира человека, к более широкому освещению явлений и событий» [18, с. 38].

В развитии национальной литературы К. Чорный определил своим творчеством философско-аналитическое направление, придал ему качества литературы мирового значения, создал собственную художественную концепцию народа. По мнению А. Адамовича, «работая в конце войны над романами “Поиски будущего”, “Млечный Путь”, “Великий день” и повестью “Скипьевский лес”, писатель во многом предупреждал облик будущей литературы о войне» [1, с. 51].

Значительные достижения в жанре повестей на военную тему привнесены писателями-фронтовиками и партизанами старшего поколения. С. Андраюк отмечал: «Особенно подтвердилось, насколько важна биография для творчества художника слова <...>. И чем богаче оно событиями, душевными переживаниями, высокими стремлениями духа, тем живее, правдивее, разнообразнее по сюжету, по образному строю, искреннее и убедительнее в эмоциональном плане будет творчество» [3, с. 9]. Опыт старших писателей, участвовавших в военных событиях, стал весьма информативным для последующего воспроизведения военной действительности, для попыток объективного изображения войны, раскрытия психологической подоплеку действий человека.

Повести Хведоса Шинклера (1903–1942) «Пульс жизни (Записки телефониста)» («Пульс жыцця» («Запискі тэлефаніста»), 1942), а также Ильи Гурского (1899–1972) «Лесные солдаты» («Лясныя салдаты», 1945) и Алексея Стаховича (1907–1956) «Шумят леса» («Шумяць лясы», 1947) вошли в ряд произведений с четким соцреалистическим изображением событий Великой Отечественной войны. Повесть «Пульс жизни (Записки телефониста)» написана в форме дневника в публицистическом стиле. Начало произведения художественно убедительно: человек с его литературными способностями, брошенный войной на Урал, никому не нужен, ведь стране нужны солдаты. Под влиянием тенденций послевоенной действительности эффект дневника быстро теряется и меняется на «агитку»: «*Николай Колчин сообщил брату: “Счет продолжаю. 94 гитлеровских ублюдка подставили свои головы под мои пули. Берегу автомат. Мимо не стреляю”*»¹. Произведения И. Гурского «Лесные солдаты» и А. Стаховича «Шумят леса» также отмечены идеологической поэтикой, характерной для советской литературы 1940-х гг., посвященной партизанской борьбе на территории Белоруссии.

Тема партизанской войны раскрыта и в повестях Владимира Карпова (1912–1977) «Без нейтральной полосы» («Без нейтральнай паласы», 1950), Григория Нехая (1914–1991) «Днепровские волны» («Дняпроўскія хвалі», 1946), Владимира Шаховца (1918–1991) «Навстречу» («Насустрач», 1951). Эти истории наглядно свидетельствуют о мировоззрении и эстетических предпочтениях зрелых советских партизан. Писатели этого поколения чаще всего были еще и публицистами, активно занимавшимися публицистической или литературно-критической работой как во время войны, так и после нее. Названные произведения В. Карпова, Г. Нехая, В. Шаховца отличались также своей описательностью, пафосом ожидаемой победы над врагом.

Автобиографический синтез событий мирного времени и военных реалий лег в основу творчества Алексея Кулаковского (1913–1986). В произведении «Невестка» («Нявестка», 1956) писатель исследовал душу бывшего фронтовика, который через прошедшую войну хотел обеспечить себе беззаботное будущее. В сценической повести 1950-х гг. «Где кому жить» («Дзе каму жыць») противопоставляются события военного времени и более поздней жизни, показывается традиционный для литературы соцреализма конфликт между старым и новым поколениями: сын пограничника выносит приговор своему отцу, бывшему солдату. Часть, посвященная описанию событий начала войны, написана психологически и художественно точно. По словам С. Андраюка: «Разделы, в которых говорится о сегодняшнем дне, написаны как бы другим автором» [4, с. 62].

Произведение «До восхода солнца» («Да ўсходу сонца», 1957) представляет собой уникальный этап художественного освещения писателем военных событий в жанре повести. Отступление небольшой группы боевиков показано в условиях, когда обычные законы временно приостановили свою деятельность, а жизни многих людей зависят от обстоятельств и качеств личности. Писатель тонко передал нюансы психологического состояния солдат, что было смелым новшеством на тогдашнем этапе освоения военной темы, ведь в период 1940–1950-х гг. рассмотрение нюансов человеческой психики в литературе о войне еще не стало нормой. Повесть как сценическое явление в понимании войны интересна и с точки зрения стилистических и жанровых особенностей: писатель использовал прием лапидарной ретроспективы, когда ассоциации и воспоминания органично вписываются в повествование, не мешая эпическому течению. Следует также отметить, что в указанный период одной из тенденций в произведениях о войне стала оценка действительности через контекст «деревенской прозы», её нравственного, жизненного, языкового осознания окружающего мира: так называемая «народная» оценка ситуации. Военная история А. Кулаковского определяется сочетанием этих характеристик.

Особое место в поколении старших авторов, писавших повести на военную тему, принадлежит Сергею Граховскому (1913–2002). Его талант прозаика раскрылся только во второй половине XX в., поскольку в 1937 г. С. Граховский был репрессирован: тогда молодой поэт получил десять лет колонии якобы за «антисоветскую деятельность». Повесть С. Граховского «Ранний снег» («Ранні снег», 1975) посвящена событиям первых послевоенных лет, происходившим в сибирской деревне и в Белоруссии. Экстраполируя свой предыдущий жизненный опыт на события войны, С. Граховский поставил героя в ситуацию воспроизведения и осмысления военной действительности.

¹ URL: <https://lit-bel.org/news/Lios--tvorchastsy-Hvyadosa-Shinklera-3295>.

Ретроспекция служит средством углубления социально-исторического контекста эпохи. Художественным достижением писателя стало отображение бесчеловечной деятельности советских карательных органов, которая осуждалась в СССР в 1960-е гг. и постсоветский период. Повесть С. Граховского «Суровая доброта» («Суровая дабрата», 1977) написана в приключенческо-детективном жанре. Несмотря на значительную временную дистанцию, сюжет произведения аналогичен упомянутой выше повести А. Вольного, А. Александровича и А. Дударя «Волчонок». В центре «Суровой доброты» – образ партизана гражданской и Второй мировой войн, Героя Советского Союза генерала В. Коржа; а сюжет произведения не лишен заданности. При этом эпизоды, посвященные тактике и стратегии партизанской войны, были оценены критиками как более убедительные. Л. Горелик высказала мнение о том, что «будет интересно сравнить батальную прозу С. Граховского с произведениями эмигрантской литературы, например, с мемуарами Р. Гуля «Ледяной поход», повествующими о гражданской войне на Дону» [25, с. 373].

Острая и эмоциональная атмосфера в прозе Николая Лупсякова (1919–1972) не задана автором искусственно, а новаторски вытекает из содержания произведения. Повесть «Я помню» («Я помню», 1962) отражает жизнь подростка и его эмоциональное состояние в контексте общего существования людей в условиях начала войны. Парень находится в эвакуации и работает на одном из заводов Казахстана. Тон повести сдержан и драматичен, особенно при показе эвакуации и путешествия героя в поезде: «Все лицо мое было в слезах. Так я плакал только однажды в жизни: без всхлипов, без дрожи в голосе – одними глазами» [26, с. 37].

Тему партизанской борьбы и автобиографического воспроизведения военных реалий продолжил классик белорусской литературы Янка Бриль (1917–2006) в повестях «Солнце сквозь тучи» («Сонца праз хмары», 1942) и «Живое и гнилье» («Жывое і гніль», 1941–1944), которые во время войны не печатались. Тем не менее, эти повести стали этапными для белорусской литературы, подлинным отражением действительности; они стали более поздними художественными фрагментами хрестоматийного лирико-психологического романа «Птицы и гнезда» («Птушкі і гнёзды», 1962–1964). Обе истории показывают Германию в историческом контексте 1930-х и 1940-х гг. Мироззрение автобиографического главного героя Павла Власа находится под сильным влиянием учения Л. Толстого, гуманизм которого персонаж переносит и во фронтовую жизнь. В произведениях изображен немецкий лагерь для военнопленных (сам Янка Бриль, будучи призванником польской армии из Западной Белоруссии, также попал в подобный плен во время Второй мировой войны) и суровые условия существования, в которых Павлу приходится оставаться человеком. Главный герой показан как сознательная личность, размышляющая над вопросами развития белорусской нации, возникновения и господства идеологии фашизма, психологией взаимоотношений людей. В произведении «Солнце сквозь тучи» писатель представляет два временных отрезка – воспоминания героя и военный контекст. Воспроизведение военных событий легло в основу автобиографической исповеди «Ты мой лучший друг» («Ты мой найлепшы друг», 1951), которую от большинства произведений о войне того времени отличает психологизм раскрытия характеров героев, правдивость и объективность показа военной действительности. А. Яскевич констатирует: «Здесь – все признаки зрелой, психологически многомерной прозы, не избегающей бездны человеческого духа, тайн жизни» [25, с. 60]. В формировании мироззрения и художественного вкуса Я. Бриля необходимо отметить внимание белорусского писателя к русским мастерам слова, таким «как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Чехов, Горький. Толстой и Чехов вызывали у Бриля особое чувство творческой близости» [27, с. 359]. В прозе Я. Бриля бытие отражается через мироззрение лирического героя-ровесника; наблюдается также ослабление событийной канвы сюжета в пользу психологического опыта. В повести «На Быстрянке» («На Быстранцы», 1955) военные события проходят через сюжет косвенно, выступая своеобразным фоном для развертывания основного действия: воспоминания одного из главных героев произведения о том, как мать ценой своей жизни спасла его от полицаев. События в повестях Я. Бриля отражают повседневную реальность 1940-х гг., в том числе военную. В произведении «Последняя встреча» («Апошняя сустрэча», 1959) влияние идеологических канонов чувствуется при показе личных отношений героев – Чеси Росицкой и Лени Живеня. Произведение выделяется из ряда повестей автора, поскольку в нем писатель, хоть и довольно косвенно, воспроизводит события войны, одновременно критически показывает деятельность советских карательных органов, вмешавшихся в частную жизнь граждан. Изображение военной действительности в повести имеет специфическую форму выражения: посредством использования нескольких назывных предложений в телеграфном стиле показана судьба главного героя Лени Живеня (Казармы. Полигон. Война. Фашистский лагерь. Побег. Подземелье. Партизанский лес). Образ войны в повестях «Нижние Байдуны» («Ніжня Байдуны», 1975) и «Рассвет, увиденный издалека» («Золак, убачаны здалёк», 1978) всеобъемлющ и многообразен, поскольку военная действительность воссоздается через отражение судеб отдельных людей. Писатель демонстрирует элементы народной смеховой культуры, показывая жизнь дяди Степана и его военные приключения. Исторический масштаб событий, с помощью оригинального синтеза вымысла и фактов из собственной жизни, раскрыт писателем через образ Франца Бикши, прошедшего через испытания войнами и революцией. В произведениях преобладает психологический ракурс, мотив человеческой памяти, поскольку повествователь обобщает пережитое.

Реалистическое раскрытие событий военного времени продолжилось в творчестве Алеся Осипенко (1919–1994), юность которого совпала с военными годами. Повесть «Сыну моего сына» («Сыну майго сына», 1961) имеет черты автобиографизма. Художественно убедительно соединение в произведении разных временных периодов: дореволюционной деревенской жизни и контекста Второй мировой войны. В изобразительном плане оригинальностью характеризуется стилистика повести. Произведение состоит из двух частей: первая имеет форму дневника и написана от имени бывшего чекиста Григория Огнева, вторая представляет собой ретроспективный авторский рассказ и лишена тенденциозного изображения характеров людей в годы войны.

Освоение публицистическо-приключенческого жанра в повести «Два дня и две ночи» («Два дні і дзве ночы», 1976) также стало художественным экспериментом автора. Действие происходит на курорте Карловы Вары. Перипетии сюжета показывают военный контекст через рассказ сербского участника событий: «Осенью сорок первого меня вывезли в Германию. Я дважды убежал. В сентябре сорок второго меня поймали» [28, с. 169]. Военная реальность воссоздана посредством ретроспективного показа жизни бывшего солдата Мелешки и раскрытия психологии человека в моменты испытаний.

Заключение. Белорусская повесть о войнах XX в. (Первой мировой и др.), созданная их участниками или очевидцами и жертвами, родившимися на исходе XIX в. и в 1910-е гг., была представлена эстетически развитыми формами уже в 1920 – 1930-е гг. Это были реалистические повести с автобиографическим началом (М. Горецкий, Я. Колас, З. Бядуля), беллетристические с молодняковским пафосом (Я. Неманский), лирико-психологического и романтизированного характера (М. Зарецкий, М. Лыньков, Я. Скриган, Б. Микулич), а также философско-аналитической направленности (К. Чорный). Ведущим направлением оставался реализм, хотя весьма значительный след в белорусской литературе оставили романтизм, модернистские литературные течения (З. Бядуля, М. Горецкий, К. Чорный) и авангард (А. Городня); однако эти течения на исходе 1920-х гг. уступили место социалистическому реализму (Я. Колас, М. Лыньков, К. Чорный). Заложенные классиками традиции успешно продолжались авторами повестей о Великой Отечественной войне в середине века и более поздний период (до 1980-х гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамовіч А. Літаратура, мы і час: Артыкулы і выступленні. – Мінск: Маст. літ-ра, 1979. – 384 с.
2. Адамовіч А. Брамү скарбаў сваіх адчыняю. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1980. – 225 с.
3. Андраюк С. Творчасць і біяграфія // Роднае слова. – 2008. – № 3. – С. 7–10.
4. Андраюк С.А. А жыццё – вышэй за ўсё. – Мінск: Маст. літ-ра, 1992. – 492 с.
5. Бугаёў Д.Я. Максім Гарэцкі. – Мінск: Белар. навука, 2003. – 237 с.
6. Бугаёў Д.Я. Шматграннасць. – Мінск: Беларусь, 1970. – 230 с.
7. Гаранін Л.Я. Філасофскія ісканія ў беларускай літаратуры. – Мінск: Наўка і тэхніка, 1984. – 221 с.
8. Гніламёдаў У. Класікі і сучаснікі: арт. і нар. – Мінск: Маст. літ-ра, 1987. – 288 с.
9. Дубовец С. Максім Горэцкі: неюбілейнае слова // Неман. – 1993. – № 2. – С. 92.
10. Жибуль В. Беларуская проза о войне и классическая традиция. – Мінск: Наўка і тэхніка, 1986. – 151 с.
11. Гофе Э.Р. Максім Гарэцкі – беларусазнаўца // Роднае слова. – 2013. – № 2. – С. 30.
12. Коваленко В.А. Общность судеб и сердец. – Мінск: Наўка і тэхніка, 1985. – 351 с.
13. Корань Л. Цукровы пеўнік: літ.-крыт. арт. – Мінск: Маст. літ-ра, 1996. – 286 с.
14. Локун В.І. Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы: 1950–1960-я гг. – Мінск: Наўка і тэхніка, 1995. – 109 с.
15. Мушыньскі М. Беларуская крытыка і літаратуразнаўства (40-я – першая палова 60-х гадоў). – Мінск: Наўка і тэхніка, 1985. – 341 с.
16. Навуменка І. Якуб Колас: нарыс жыцця і творчасці. – 2-е выд. – Мінск: Народная асвета, 2003. – 207 с.
17. Сінькова Л.Д. Беларуская проза XX стагоддзя: Дынаміка жанравых структур. – Мінск: ВПП Новік, 1996. – 220 с.
18. Тычына М. Час прозы: літ.-крыт. арт. – Мінск: Маст. літ-ра, 1988. – 206 с.
19. Тычына М. Кузьма Чорны: эвалюцыя мастацкага мыслення. – Мінск: Белар. навука, 2004. – 168 с.
20. Чыгрын І.П. Паміж былым і будучым: проза Максіма Гарэцкага. – Мінск: Наўка і тэхніка, 1994. – 167 с.
21. Шаблоўская І. Паэтыка славянскай ваеннай прозы. – Мінск: Наўка і тэхніка, 1993. – 24 с.
22. Горэцкі М. Избранное. – Мінск: Худ. літ-ра, 1989. – 544 с.
23. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. наўк Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; рэдкал.: У.В. Гніламёдаў (гал. рэд.). – Мінск: Белар. навука, 1999–2015. – Т. 2: 1921–1941. – 2002. – 903 с.
24. Чорны К. Збор твораў: у 6 т. – Мінск: Маст. літ-ра, 1992. – Т. 6: Раманы, апавесці. – 464 с.
25. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. наўк Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; рэдкал.: У.В. Гніламёдаў (гал. рэд.). – Мінск: Белар. навука, 1999–2015. – Т. 3: 1941–1965. – 2002. – 952 с.
26. Лупсякоў М. Я помню: апавесць для сярэдняга і старэйшага ўзросту. – Мінск: Беларусь, 1964. – 96 с.
27. Гісторыя беларускай савецкай літаратуры: у 2 т. / рэдкал.: В.В. Барысенка, В.У. Івашын (гал. рэд.). – Мінск: Наўка і тэхніка, 1966. – Т. 2: 1941–1964 / М.М. Барсток і інш. – 1966. – 606 с.
28. Асіпенка А. Два дні і дзве ночы. Апавесці. – Мінск: Маст. літ-ра, 1977. – 304 с.

Поступила 26.11.2023

IDEATORICAL AND AESTHETIC DOMINANTS IN WAR STORIES BELARUSIAN WRITERS BORN AT THE END OF THE XIX CENTURY AND IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

T. BAGARADAVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the evolution of the Belarusian war story in the works of older generation writers who were participants or witnesses of hostilities. Particular attention is paid to the works of authors who used the extrapolation method in their creativity and remained adherents of the realistic direction in conveying the military atmosphere. The literary analysis is based on a long historical period – from the 1910s. to the 1970s, as well as showing the directions of development of the genre of the Belarusian war story from fictionalized to realistic.

Keywords: *autobiography, “young people’s story”, heroic-revolutionary story, fiction, declarativeness, agitation, extrapolation, “village prose”.*